

Ксавье Мармье

Письма о России, Финляндии и Польше (1843), фрагменты

Невский проспект — самая длинная, веселая и оживленная улица Санкт-Петербурга. Упираясь с одной стороны в здание Адмиралтейства, она простирается за пределы Аничкова моста. Это Итальянский бульвар, Риджент-стрит северной столицы, средоточие роскоши, центр движения. Именно на Невском проявляются многообразие и космополитизм Петербурга, по сути, значительно более европейского, чем русского: вы увидите здесь пестрые вывески с надписями на всевозможных языках мира, французские, немецкие, английские книжные лавки, пять церквей пяти религий, дворцы вельмож и блистательные магазины парижских товаров и моды; возле тульского ювелира расположено ателье портного из Берлина; напротив торговца кожей из Астрахани — фарфор из Севра, перемешанный с фарфором из России; великолепный английский магазин, оплачивающий 50 000 рублей аренды в год, соседствует с конфектной лавкой. Невский торопливо движется по прямой, как и положено проспекту. По всей длине он вымощен деревянными торцами превосходной работы, по обеим его сторонам широкие тротуары. Посредине Невского — огромное здание Гостиного двора, город магазинов и прилавков, гигантское скопление разнообразных товаров Севера и Востока национального и иностранного производства. Здесь теснится толпа торговцев и праздношатающихся, ловких мошенников, осмотрительных покупателей, евреев и христиан, мещан и солдат.

Перед вами денди — выбритый, надушенный, в кашемировом жилете, а возле него мужик — с длинной бородой, в широком кафтане, преисполненный гордости тем, что ему удалось сохранить старинный костюм и полудикие нравы своих предков. Проходя мимо церкви

магометанин высоко держит голову, в то время как русский трижды осеняет себя крестом. Армянин в уличной толпе сталкивается с католиком; тяжелая повозка финского крестьянина медленно движется вслед за польской кибиткой. Фельдъегерь в серой шинели и шляпе с султаном из белых перьев пускается в галоп, одному богу известно, в каком направлении.

Что же до полиции: как же передать во всей полноте ее прелести и обаяние? Это кротость во плоти и сама учтивость. Кокетливая как юная дева и сладкоречивая как сочинитель мадригалов, она носит мундир зеленого цвета (цвет надежды) с воротником цвета небесной лазури. Мне всегда казалось, что под золотым шитьем и муаровыми лентами полиция прячет коготь или острие алебарды, но с какой бы стороны я не заглядывал, меня встречали бархатный взгляд и ласковая улыбка. В особенности запомнился мне один генералишка в канцелярии господина графа де..., ведавший приемом иностранцев, говоривший складно и со знанием дела, словно по-писаному. Его комплименты напоминали Вадюса, а эпиграммы были полны лести. По его словам, ничто не доставляло ему больше удовольствия, чем приезд в Россию французов, и он желал бы, чтобы они оставались здесь подолгу; он говорил, что ему интересны их наблюдения, он восторгался их путевыми заметками. Окончив свою льстивую речь, он направлял одного или двух своих агентов вслед за французами, которых он был так рад видеть — чтобы слуга, приставленный к ним, и хозяин дома, принимавший их, следили за ними и докладывали об их занятиях — это представляется мне весьма вероятным; ежедневная слежка выполнялась тихо и незаметно. Силы, движущие полицией, скрыты как механизм часов под эмалевым циферблатом. Известно, что они существуют и мерно вращаются в ограничивающем их круге, их движения не различимы, поэтому иногда

создается впечатление, что они приостановлены, как вдруг наступает роковой час — и некий господин, которого вы много раз до этого встречали в городе — неспешно прогуливающимся по Невскому или склоненным над газетами в кафе Беранже — чрезвычайно учтиво сообщает иностранцу о необходимости в течение двадцати четырех часов покинуть Россию, или же просит гражданина России проследовать в кибитку, которая доставит его за Урал, в Сибирь, где, по рассказам, необыкновенно живописно.